

ДЕЛО 4246:

ДАНИИЛ ХАРМС

ТОМСК, 2014

УДК 82-3

ББК 84(2)

В сборнике приводятся стихотворения и рассказы Даниила Хармса.

Составитель: Корнеев А. В.

Художественный редактор: Корнеев А. В.

Верстка: Корнеев А. В.

Корректор: Вьюнник Е. А.

Куратор проекта: Хамина А. А.

Книга выполняет просветительские цели и не носит коммерческого характера распространения. Произведения Хармса приводятся в соответствии главной идеи книги в минимальном необходимом объеме.

Здесь представлены протоколы допросов, записанные во время первого ареста Даниила Хармса в 1931 г. и детские произведения поэта, упомянутые в них. Это ироническое и абсурдное сопоставление поднимает вопрос отношений свободного человека и власти. Книга стилизована под советскую папку с уголовным делом.

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ.....	4
ПРОТОКОЛЫ ДОПРОСОВ.....	8
ПРОТОКОЛ 1.....	9
ПРОТОКОЛ 2 (Л. Д. 51-52).....	10
ПРОТОКОЛ 3 (Л. Д. 53-56).....	12
ПРОТОКОЛ 4 (Л. Д. 57-58).....	15
ПРОТОКОЛ 5 (Л. Д. 59-62).....	18
ПОЭЗИЯ.....	22
ИВАН ИВАНЫЧ САМОВАР.....	23
ТЕАТР.....	25
ИВАН ТОПОРЫШКИН.....	26
МИЛЛИОН.....	27
ВРУН.....	28
ЧТО МЫ ЗАГОТОВЛЯЕМ НА ЗИМУ.....	31
МИША ГРИШУ ВЫЗЫВАЕТ.....	34
ПРОЗА.....	36
ВО-ПЕРВЫХ И ВО-ВТОРЫХ.....	37
ОЗОРНАЯ ПРОВКА.....	42
О ТОМ, КАК КОЛЬКА ПАНКИН ЛЕТАЛ В БРАЗИЛИЮ, А ПЕТЬКА ЕРШОВ НИЧЕМУ НЕ ВЕРИЛ.....	49
О ТОМ, КАК СТАРУШКА ЧЕРНИЛА ПОКУПАЛА.....	62

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ

«От страха сердце начинает дрожать, ноги холодеют, и страх хватает меня за затылок. Я только теперь понял, что это значит. Затылок сдавливают снизу, и, кажется: еще немного – и сдавят всю голову сверху, тогда утеряется способность отмечать свои состояния, и ты сойдешь с ума. Во всем теле начинается слабость, и начинается она с ног. И вдруг мелькает мысль: а что если это не от страха, а страх от этого. Тогда становится еще страшнее» – запись Даниила Хармса после его первого ареста.

Это было закономерным событием. Детский, официально, поэт часто высказывал ненависть к детям: «Травить детей, конечно, жестоко, но что-то же нужно с ними делать»! Возможно, она вызывалась тем, что концепции его «взрослых» произведений не совпали с идеологическим курсом советской власти. Единственную возможность печататься предоставляла только детская поэзия. Хармс жил за ее счет, а остальные свои произведения писал «в стол» или распространял нелегально и бесплатно.

К концу 1931 г. возрос интерес власти к обществу ОБЭРИУ, куда входил и Хармс. Причиной этого послужило несоответствие их литературы советской идеологии: «Становясь на путь искреннего признания, показываю, что являлся идеологом антисоветской группы литераторов, в основном работающих в области детской литературы». Власти чувствовали исходящую от ОБЭРИУтов опасность.

Абсурдному, бессмысленному характеру их творчества, новому художественному языку «зауми» не могло быть места в строгой системе строящегося социализма.

В 1931 г. одного за другим арестовали поэтов-обэриутов Хармса, Введенского и Бахтерева, а также причастных к деятельности общества Туфанова, Калашникова, Воронича и Андроникова. Все они были обвинены в создании и организации антисоветской группы литераторов. Всем им угрожало заключение в лагеря (куда в конечном счете были отправлены Туфанов и Калашников). Хармс тоже был приговорен к заключению в лагерь на три года, однако наказание было смягчено, и он отправляется в ссылку в Курск.

Хармс признал себя виновным: «К антисоветским произведениям я отношу следующие политически враждебные произведения для детей». Уже невозможно установить как проходил процесс допросов, но сам Хармс иронично отзывался о своем пребывании в ДПЗ (Дом Предварительного Заключение) как о «прекрасном», «замечательном».

Протоколы допросов записывались со слов Хармса, однако нетрудно догадаться, что они подверглись сильному искажению. Это проявляется и в оборотах речи, которые не мог употребить талантливый поэт, и логических нестыковках. Например, как Хармс может быть одновременно и «человеком политически не мыслящим», и «идеологом антисоветской группировки»?

Протоколы позволяют понять, как видели Хармса полуграмотные и озлобленные представители советской власти. Их взгляд был полон непонимания и страха.

Единственным политическим требованием ОБЭРИУтов была свобода литературы, возможность писать, издавать, читать любые литературные произведения, отсутствие цензуры и давления идеологии. Это было невозможно в условиях пропаганды, целью которой было удержание власти.

За первым арестом последовал другой в 1941 году. От расстрела Хармса тогда спасла только справка о психическом заболевании: у него был диагноз шизофрения. Поэт умер от голода в пересыльной тюрьме в 1942 году.

В этой книге приведены протоколы допросов Даниила Хармса и его произведения, упомянутые в допросах как антисоветские (на самом деле попросту неидеологические). Это ироническое, абсурдное сопоставление актуализирует вопрос отношений свободного человека и власти тогда и сейчас. Стилизация под набор на печатной машинке и папку с делом Хармса – метафора перемоловшей поэта советской машины. Как сам поэт упомянул в первом протоколе: «Я работаю в области литературы. Я человек политически не мыслящий».

ПРОТОКОЛЫ ДОПРОСОВ

ПРОТОКОЛ 1

1931 года декабря мес. 11 дня я, уполномоченный СПО Бузников А. В. допрашивал в качестве обвиняемого, гражданина(ку) Хармса, Даниила Ивановича и на первоначально предложенные вопросы он(а) показал(а)...

1. Фамилия: Хармс (Ювачёв).

2. Имя, отчество: Даниил Иванович.

3. Возраст (год рождения): 1905.

4. Происхождение (откуда родом, кто родители, национальность гражданство, подданство): Ленинград, сын надворного советника, мать дворянка.

5. Местожительство (постоянное и последнее): Надеждинская 11 – кв. 8.

6. Род занятий (последнее место службы и должность): литератор, штатной работой не занимаюсь.

7. Семейное положение (близкие родственники, их имена, фамилия, адреса, род занятий до революции и последнее время): отец – Иван Павлович, сестра Елизавета Ивановна Грицина. За границей у меня знакомая Надежда Александровна Надеждина, редактор русских газет, с которой я переписываюсь.

8. Имущественное положение (до и после революции допрашиваемого и его родственников): неимущий.

Протоколы допросов

9. Образовательный ценз (первоначальное образование, средняя школа, высшая, специальн., где, когда и т. п.): среднее и незаконченное высшее.

10. Партийность и политические убеждения: б/п.

11. Сведения об общественной и революционной работе: никакой общественной работы не веду.

12. Сведения о прежней судимости (до Октябрьской революции, после нее): нет.

13. Служба у белых: нет.

Показания по существу дела:

Я работаю в области литературы. Я человек политически не мыслящий, но по вопросу, близкому мне: вопросу о литературе, заявляю, что я не согласен с политикой Советской власти в области литературы и желаю, в противовес существующим на сей счет правительственным мероприятиям, свободы печати как для своего творчества, так и для литературного творчества близких мне по духу литераторов, составляющих вместе со мной единую литературную группу.

Даниил Хармс

11 декабря 1931 года

Допросил А. Бузников

ПРОТОКОЛ 2 (Л. Д. 51-52)

Становясь на путь искреннего признания, показываю, что являлся идеологом анти-советской группы литераторов, в основном работающих в области детской литературы,

Протоколы допросов

куда помимо меня входили А. Введенский, Бахтерев, Разумовский, Владимиров (умер), а несколько ранее Заболоцкий и К. Вагинов. Творчество нашей группы распалось на две части. Это, во-первых, были заумные, по существу, контрреволюционные стихи, предназначенные нами для взрослых, которые в силу своего содержания и направленности не могли быть отпечатаны в современных советских условиях и которые мы распространяли в антисоветски настроенной интеллигенции, с которой мы и связаны общностью политических убеждений. Распространение этой выше отмеченной части нашего творчества шло путем размножения наших литературных произведений на машинке, раздачи этих произведений в списках, через громкое чтение их в различных антисоветских салонах, в частности на квартире у П. П. Калашникова, человека, монархически настроенного, к которому собирались систематически антисоветски настроенные лица. Кроме того, мы выступали с нашими произведениями для взрослых и перед широкими аудиториями, напр. в Доме Печати и в Университете, где в последний раз аудитория, состоящая из студентов, реагировала на наше выступление чрезвычайно бурно, требуя отправки нас в Соловки и называя нас контрреволюционерами. Вторая часть нашего творчества относится к области детской литературы. Свои детские произведения мы считали, в отличие от вещей, предназначенных для взрослых, не настоящими, работа над которыми преследует задачу получения материальных средств к существованию. В силу

Протоколы допросов

своих политических убеждений и литературной платформы мы сознательно привносили в область детской литературы политически враждебные современности идеи, вредили делу советского воспитания подрастающего поколения. Наша заумь, противопоставляемая материалистическим установкам советской художественной литературы, целиком базирующаяся на мистико-идеалистической философии, является контрреволюционной в современных условиях. Признаю, что, находясь во главе упомянутой выше группы детских литераторов, я творил антисоветское дело. В дальнейших своих показаниях я детализирую и расширяю данный протокол.

Допросил А. Бузников

Даниил Хармс

18 декабря 1931 года

ПРОТОКОЛ 3 (Л. Д. 53-56)

Наша группа стала работать в области детской литературы с 1927-ого года. В область детской литературы наша группа привнесла элементы своего творчества для взрослых, т. е. заумь, которую я в предыдущем протоколе назвал контрреволюционной. Наиболее заумными являются следующие мои детские произведения: «Иван Иванович Самовар», стихи «О Топорышкине», «Как старушка покупала чернила», «Во-первых и во-вторых» и др.

Весьма приближаются к форме заумного творчества также произведения Введенского «Кто», «Железная дорога», «Бегать, прыгать»

Протоколы допросов

и др. в этом же роде. К наиболее бессмысленным своим стихам, как, напр., стихотворение «О Топорышкине», которые ввиду крайней своей бессмыслицы были осмеяны даже советской юмористической прессой, я относился весьма хорошо, расценивая их как произведения качественно превосходные, и сознание, что они неразрывно связаны с моими непечатающимися заумными произведениями, приносило мне большое внутреннее удовлетворение. Я должен был, ввиду предъявляемых требований, в дальнейшем несколько отойти от прямо заумных произведений, типа указанных выше, и начать писать несколько более конкретно. Однако такие мои вещи, как «Миллион» и «Что нужно заготавливать на зиму», не стали от этого менее политически вредными, контрреволюционными, чем произведения вышеназванные.

В обоих, и в «Миллионе», и в «Заготовках», общественно-политические темы сознательно подменены мною естествоведческими темами. В «Миллионе» тема пионерского движения подменена мною простой маршировкой, которая передана мною и в ритме самого стиха, с другой стороны, внимание детского читателя переключается на комбинации цифр. В книжке «Что мы заготавливаем на зиму» тема о том же пионерском лагере подменена мною сознательно темой естествоведческой и внимание ребенка переключается на те предметы, которые необходимо заготовить на зиму. Я квалифицирую эти книжки как политически враждебные современности. Создание именно такого рода

Протоколы допросов

произведений, как стихотворение «О Топо-рышкине», «Миллион» и др., обуславливалось моими политическими воззрениями, враждебными современному политическому строю, которые вместе со мной разделяла и вся группа. В тех случаях, когда ради материальных соображений я пытаюсь приспособиться к предъявляемым общественностью к детской литературе требованиям, у меня получались явно халтурные произведения, как, например, стихи, написанные мною для журнала «Октябрят». Детские произведения, названные выше, и другие, принадлежащие как моему перу, так и творчеству остальных членов группы, зачитывались и обсуждались в кругу членов группы и близких группе... встречали полное одобрение.

Резюмируя свое показание, признаю, что деятельность нашей группы в области детской литературы носила антисоветский характер и нанесла значительный вред делу воспитания подрастающего советского поколения. Наши книжки отрывали читателя от современной конкретной действительности, действовали разлагающим образом на воображение ребенка. В частности, с этой точки зрения могу еще указать на стихотворение под названием «Врун», помещенное в журнале «Еж», которое содержит элементы бессмыслицы.

Допросил А. Бузников
Даниил Хармс

Протоколы допросов

ПРОТОКОЛ 4 (Л. Д. 57-58)

Наша группа, как я указывал в предыдущих своих показаниях, работала в области детской литературы в течение нескольких лет.

За это время нами было написано и сдано в печать большое количество прозаических и стихотворных книжек для детей, которые надо подразделить на произведения халтурные и антисоветские.

К халтурным произведениям из своих книжек я отношу следующие: «Театр», «Озорная пробка» и три стихотворения, помещенных в ж. «Октябрюта», одно из которых называлось «Соревнование».

Эти произведения для детей были написаны мною в минимально короткий срок и исключительно ради получения гонорара.

Особо халтурной из вышеназванных произведений я считаю книжку «Театр». Помимо того, что эта книжка не сообщает детям абсолютно никаких полезных сведений, она и по форме своей является чрезвычайно скверной, антихудожественной. То же самое следует сказать и о книжке «Озорная пробка», которую я написал за два часа. Что же касается стихотворения для ж. «Октябрюта», то в этом случае имело большое значение то обстоятельство, что эти произведения я писал на советские темы – соревнование и т. д., которые были мне враждебны в связи с моими политическими убеждениями и которые я, следовательно, не мог изложить художественно приемлемо.

Творчество члена нашей группы Введенского также в некоторой своей части носит

Протоколы допросов

халтурный характер. Это относится к первым произведениям Введенского на советские темы, которые носили приспособленческо-халтурный характер. Переименовать эти произведения я сейчас затрудняюсь, так как забыл их названия. Как халтурно...

К антисоветским произведениям я отношу следующие политически враждебные произведения для детей, вышедшие из-под пера членов нашей группы, как «Миллион», «Как старушка чернила покупала», «Иван Иванович Самовар», «Как Колька Панкин летал в Бразилию», «Заготовки на зиму» и друг. Введенского – из тех, что я помню, – «Авдей-ротозей», «Кто», «Бегать-прыгать», «Подвиг пионера Мочина» и др.

Мое произведение «Миллион» является антисоветским потому, что эта книжка на тему о пионер-движении превращена сознательно мною в простую считалку. В этой книжке я сознательно обошел тему, заданную мне, не упомянув ни разу на протяжении всей книжки слово «пионер» или какое-либо другое слово, свидетельствующее о том, что речь идет о советской современности. Если бы не рисунки, кстати, также сделанные худ. Конашевичем в антисоветском плане, то нельзя было понять, о чем идет речь в книжке: об отряде пионеров или об отряде белогвардейских бойскаутов, тем более что я отделил в содержании книжки девочек – от мальчиков, что, как известно, имеет место в буржуазных детских организациях и, напротив, глубоко противоречит принципам пионер-движения.

Протоколы допросов

Другая из названных выше моя книжка «Иван Иванович Самовар» является анти-советской в силу своей абсолютной, сознательно проведенной мною оторванности от конкретной советской действительности. Это – типично буржуазная детская книжка, которая ставит своей целью фиксирование внимания детского читателя на мелочах и безделушках с целью отрыва ребенка от окружающей действительности, в которой, согласно задачам советского воспитания, он должен принимать активное участие. Кроме того, в этой книжке мною сознательно идеализируется мещански-кулацкая крепкая семья с огромным самоваром – символом мещанского благополучия.

В книжке «Заготовки на зиму» я так же, как и в «Миллионе», сознательно подменил общественно-политическую тему о пионерском лагере темой естествоведческой: о том, что из предметов домашнего обихода следует заготовить на зиму. Таким путем внимание ребенка переключается, отрывается от активно-общественных элементов советской жизни. С этой точки зрения я называю эту книжку не только антисоветской, но и вредительской, поскольку она относится к самому последнему периоду моего творчества, когда я был хорошо знаком с теми последними требованиями, которые предъявлялись критикой к советской детской литературе.

Из названных мною выше произведений члена нашей группы А. И. Введенского особо останавливаюсь на книжке «Авдей-ротозей», которая, воспевая крепкого зажиточного мужичка

Протоколы допросов

и издеваясь над деревенской беднотой, является кулацкой и антисоветской.

Детские произведения, названные мною выше, и другие, зачитывались и обсуждались в кругу членов группы и близких группе лиц.

Создание такого рода произведений, как «Миллион», «Иван Иванович Самовар» и др. обуславливалось моими политическими убеждениями, враждебными современному политическому строю, которые вместе со мной разделяла и вся группа.

Резюмируя свое показание, признаю, что деятельность нашей группы в области детской литературы носила антисоветский характер и принесла значительный вред делу воспитания подрастающего советского поколения...

Даниил Хармс

ПРОТОКОЛ 5 (Л. Д. 59-62)

В основе моей антисоветской деятельности, о которой я показывал ранее, лежали политические взгляды, враждебные существующему политическому строю. В силу того, что я обычно и намеренно отвлекал себя от текущих политических вопросов, – я принципиально не читаю газет, – свои политические воззрения я оформлял при помощи близких мне людей – членов моей группы. В беседах с ними я выявлял себя как сторонника и приверженца политического режима, существовавшего до революции. Будущее страны рисовалось мне как реставрация этого строя.

Протоколы допросов

Я ждал этого момента, очень часто представлял его себе мысленно, с тем, чтобы сразу после его завершения приступить к активной творческой деятельности. Я полагаю, что реставрация старого режима предоставила нашей группе заумников широкие возможности для творчества и для опубликования этого творчества через посредство в печати. Кроме того, я учитываю и всегда учитывал, что мои философские изыскания, идущие по пути идеалистической философии и тесно соприкасающиеся с мистикой, гораздо более созвучны политическим и общественным формам дореволюционного порядка, чем современному политическому строю, основанному на материалистической философии. Моя философия, которую я разрабатывал и искал, сознательно отрешившись от современной мне действительности, изолировав себя от влияния этой действительности, глубоко враждебна современности и никогда не сможет к ней приблизиться. Это видно хотя бы из того положения, что я считало неприемлемым для себя, в силу своих философских воззрений, прикладную направленность науки. Только тогда, по-моему, наука достигнет абсолютных высот, будет способна проникнуть в глубину тайн мироздания, когда утратит свой утилитарный практический характер. Понятно, насколько это противоречит современным установкам на науку, трактуемой большевиками как один из рычагов для построения социалистического общества. Естественно, что, сознавая всю глубину противоречия, лежащую между моими

Протоколы допросов

философскими взглядами, моим творчеством и современным политическим строем, я искал для себя оформления своих политических воззрений, т. е. наиболее близкой для меня формы политического правления. В беседах с Калашниковым, Введенским и др., подчас носивших крайне антисоветский характер, я приходил к утверждению о необходимости для России монархического образа правления. Поскольку эти беседы повторялись изо дня в день, я все более свыкался с мыслью о необходимости разрушения советской политической системы и восстановления старого порядка вещей. Грядущая перемена стала для меня как бы само собой разумеющимся положением, причем характер этой перемены был для меня в значительной степени безразличен. Я понимал, что изменение строя невозможно без вооруженной борьбы, но я старался не вдумываться глубоко в этот вопрос, поскольку здесь имелось глубокое противоречие с моими философскими воззрениями, отрицающими необходимость борьбы и всякого рода насилия. Таким образом, уйдя с головой в заумное творчество и в мистико-идеалистические философские искания, я сознательно противопоставил себя современному общественно-политическому порядку. В свою очередь это противопоставление вынуждало меня искать такого политического порядка, при котором такое противопоставление отсутствовало бы. При помощи близких мне творчески и идеологически людей, политически более осведомленных, нежели

я сам, я укреплялся в своих стремлениях к
разрушению существующего строя.

Даниил Хармс

13 января 1932 года

Допросил А. Бузников

ПОЭЗИЯ

Поэзия

ИВАН ИВАНЫЧ САМОВАР

Иван Иваныч Самовар
Был пузатый самовар,
Трехведёрный самовар.

В нем качался кипяток,
Пыхал паром кипяток,
Разъярённый кипяток;

Лился в чашку через кран,
Через дырку прямо в кран,
Прямо в чашку через кран.

Утром рано подошел,
К самовару подошел,
Дядя Петя подошел.

Дядя Петя говорит:
«Дай-ка выпью, говорит,
Выпью чаю», говорит.

К самовару подошла,
Тетя Катя подошла,
Со стаканом подошла.

Тетя Катя говорит:
«Я, конечно, говорит,
Выпью тоже», говорит.

Вот и дедушка пришел,
Очень старенький пришел,
В туфлях дедушка пришел.

Он зевнул и говорит:
«Выпить разве, говорит,
Чаю разве», говорит.

Поэзия

Вот и бабушка пришла,
Очень старая пришла,
Даже с палочкой пришла.

И подумав говорит:
«Что-ли, выпить, говорит,
Что-ли, чаю», говорит.

Вдруг девчонка прибежала,
К самовару прибежала –
Это внучка прибежала.

«Наливайте!– говорит,
Чашку чая, говорит,
Мне послаще», говорит.

Тут и Жучка прибежала,
С кошкой Муркой прибежала,
К самовару прибежала,
Чтоб им дали с молоком,
Кипяточку с молоком,
С кипяченым молоком.

Вдруг Сережа приходил,
Всех он позже приходил,
Неумытый приходил.

«Подавайте!– говорит,
Чашку чая, говорит,
Мне побольше», говорит.

Наклоняли, наклоняли,
Наклоняли самовар,
Но оттуда выбивался
Только пар, пар, пар.

Поэзия

Наклоняли самовар,
Будто шкаф, шкаф, шкаф,
Но оттуда выходило
Только кап, кап, кап.

Самовар Иван Иваныч!
На столе Иван Иваныч!
Золотой Иван Иваныч!

Кипяточку не дает,
Опоздавшим не дает,
Лежебокам не дает.
всё
1927

ТЕАТР

Музыканты забренчали,
Люди в зале замолчали.

Посмотри на Арлекина-Кольку!
Вот он с Ниной-Коломбиной
Пляшет польку.

«Динь-динь-дили-дон»,
Вот кот Спиридон.

Что за шум вдалеке?
Глянь-ка:

На Коньке Горбунке
Едет Ванька!

Распроклятого буржуя
В три минуты уложу я.

Поэзия

Девчонка комсомолка
Не боится волка.

Из ковра и двух зонтов
Для спектакля змей готов.

У Петрушки
Палка,
Мне Марфушку
Жалко.

Спящая красавица
Спит не просыпается.

Вот пред вами вся орава.
Браво! браво! браво! браво!
1928

ИВАН ТОПОРЫШКИН

Иван Топорышкин пошел на охоту,
с ним пудель пошел, перепрыгнув забор.
Иван, как бревно провалился в болото,
а пудель в реке утонул, как топор.

Иван Топорышкин пошел на охоту,
с ним пудель вприпрыжку пошел, как топор.
Иван повалился бревном на болото,
а пудель в реке перепрыгнул забор.

Иван Топорышкин пошел на охоту,
с ним пудель в реке провалился в забор.
Иван как бревно перепрыгнул болото,
а пудель вприпрыжку попал на топор.
1928

Поэзия

МИЛЛИОН

Шел по улице отряд –
сорок мальчиков подряд:
раз, два,
 три, четыре,
и четырежды
 четыре,
и четыре
 на четыре,
и еще потом четыре.

В переулке шел отряд –
сорок девочек подряд:
раз, два,
 три, четыре,
и четырежды
 четыре,
и четыре
 на четыре,
и еще потом четыре.

Да как встретились вдруг –
стало восемьдесят вдруг!
Раз, два,
 три, четыре,
и четыре
 на четыре,
на четырнадцать
 четыре,
и еще потом четыре.

А на площадь
повернули,
а на площади стоит

Поэзия

– Нет! Нет! Нет! Нет!
Мы не знаем ничего,
Не слышали ничего,
Не слышали, не видали
И не знаем
Ничего!

– А вы знаете, что У?
А вы знаете, что ПА?
А вы знаете, что ПЫ?
Что у папы моего
Было сорок сыновей?
Было сорок здоровенных –
И не двадцать,
И не тридцать,–
Ровно сорок сыновей!
– Ну! Ну! Ну! Ну!
Врешь! Врешь! Врешь! Врешь!
Еще двадцать,
Еще тридцать,
Ну еще туда-сюда,
А уж сорок,
Ровно сорок,–
Это просто ерунда!

– А вы знаете, что СО?
А вы знаете, что БА?
А вы знаете, что КИ?
Что собаки-пустолайки
Научились летать?
Научились точно птицы,–
Не как звери,
Не как рыбы,–
Точно ястребы летать!
– Ну! Ну! Ну! Ну!
Врешь! Врешь! Врешь! Врешь!

Поэзия

Ну, как звери,
Ну, как рыбы,
Ну еще туда-сюда,
А как ястребы,
Как птицы, –
Это просто ерунда!

– А вы знаете, что НА?
А вы знаете, что НЕ?
А вы знаете, что БЕ?
Что на небе
Вместо солнца
Скоро будет колесо?
Скоро будет золотое –
Не тарелка,
Не лепешка, –
А большое колесо!
– Ну! Ну! Ну! Ну!
Врешь! Врешь! Врешь! Врешь!
Ну, тарелка,
Ну, лепешка,
Ну еще туда-сюда,
А уж если колесо –
Это просто ерунда!

– А вы знаете, что ПОД?
А вы знаете, что МО?
А вы знаете, что РЕМ?
Что под морем-океаном
Часовой стоит с ружьем?
– Ну! Ну! Ну! Ну!
Врешь! Врешь! Врешь! Врешь!

Ну, с дубинкой,
Ну, с метелкой,

Поэзия

Ну еще туда-сюда,
А с заряженным ружьем –
Это просто ерунда!

– А вы знаете, что ДО?
А вы знаете, что НО?
А вы знаете, что СА?
Что до носа
Ни руками,
Ни ногами
Не достать,
Что до носа
Ни руками,
Ни ногами
Не доехать,
Не допрыгать,
Что до носа
Не достать!
– Ну! Ну! Ну! Ну!
Врешь! Врешь! Врешь! Врешь!
Ну, доехать,
Ну, допрыгать,
Ну еще туда-сюда,
А достать его руками –
Это

Просто

Ерунда!

1930

ЧТО МЫ ЗАГОТОВЛЯЕМ НА ЗИМУ

Мы работаем летом в колхозах,
Разделившись на бригады.
В поле, в лесу, в огороде

Поэзия

и в саду между яблонь
и кустов смородины
мы бегаем
с лопатами, граблями, лейками
в одних только синих трусиках.
И солнце печет наши спины,
руки и шеи.

Теперь мы будем к зиме
делать запасы
и сдавать
в Плодоовощсоюз.
Пусть оттуда
запасы пойдут
по рабочим
и детским
столовым.

Из малины и клубники
мы сварили варенье.
Чернику засушим
и будем зимой
черничные есть кисели.
Крыжовник и вишни
мы в банку положим,
пробку зальем сургучом,
чтоб туда не попали микробы
и плесень.

Ягоды свежие будут лежать.
Мы банку откупорим в марте.
Теперь давайте сушить грибы,
нанизывать на нитку
их шапочки.
То-то будет зимой

Поэзия

грибная похлебка.
В этом бочонке у нас
будут соленые грузди.
А в этом – соленые рыжики.
Эх, не забудьте, ребята,
к зиме насолить огурцов.
Вот перед вами бочонок
светлозеленых огурчиков.
Залейте их крепким рассолом
и листик дубовый
киньте туда.
К зиме огурцы потемнеют,
важными станут и толстыми.
Смотри,
 когда будешь их кушать,
держи огурец над тарелкой,
чтоб не закапать штаны
огуречным рассолом.
А курам –
 суши тараканов:
лови их летом
 на печке.
Зимой будут куры клевать
их с большим
 аппетитом.

А если,
купаясь летом в реке,
ты найдешь на берегу
простую зеленую глину,
то запаси этой глины
побольше.
Будешь зимой
лепить из нее человечков.
И, может быть,

Поэзия

вылепишь ты
себя самого,
пионера на летней работе.
Да так хорошо
и так умело,
что тебя отольют из чугуна
или из бронзы
и поставят в музей
на первое место.

А люди скажут:
«Смотрите –
Это новый, советский
художник».
1930

* * *

На соревнование
Миша Гришу
вызывает.

Вот тебе задание:
кто скорей узнает,
как бить
молотком,
как рубанком
стругать,

научиться без запинки
книги разные читать.
И тебя я вызываю,
вызываю, мой отец,

будь ударником в колхозе
в самом деле, наконец.
1931

ПРОЗА

ВО-ПЕРВЫХ И ВО-ВТОРЫХ

Во-первых, запел я песенку и пошел.

Во-вторых, подходит ко мне Петька и говорит:

– Я с тобой пойду. – и мы оба пошли, напевая песенки.

В-третьих, идем мы и смотрим – стоит на дороге человек, ростом с ведро.

– Ты кто такой? – спросили мы его.

– Я самый маленький человек в мире.

– Пойдем с нами.

– Пойдем.

Пошли мы дальше, но маленький человек не может за нами угнаться. Бегом бежит, а все-таки отстает. Тогда мы его взяли за руки. Петька за правую, я за левую. Маленький человек повис у нас на руках, едва ногами земли касается. Пошли мы так дальше. Идем все трое и песенки насвистываем.

В-четвертых, идем мы и смотрим – лежит возле дороги человек, голову на пенек положил, а сам такой длины, что не видать, где ноги кончаются. Подошли мы к нему поближе, а он как вскочит на ноги, да как стукнет кулаком по пеньку, так пенек в землю и ушел. А длинный человек посмотрел вокруг, увидел нас и говорит:

– Вы, – говорит, – кто такие, что мой сон потревожили?

– Мы, – говорим мы, – веселые ребята. Хочешь, с нами пойдем?

– Хорошо, – говорит длинный человек да как шагнет сразу метров на двадцать.

– Эй, – кричит ему маленький человек. – Обожди нас немного!

Схватили мы маленького человека и побежали к длинному.

– Нет, – говорим мы, – так нельзя, ты маленькими шагами ходи.

Пошел длинный человек маленькими шагами, да что толку? Десять шагов сделает и из вида пропадет.

– Тогда, – говорим мы, – пусть маленький человек тебе на плечо сядет, а нас ты под мышки возьми.

Посадил длинный человек маленького себе на плечо, а нас под мышки взял и пошел.

– Тебе удобно? – говорю я Петьке.

– Удобно, а тебе?

– Мне тоже удобно, – говорю я. И засвистели мы веселые песенки. И длинный человек идет и песенки насвистывает, и маленький человек у него на плече сидит и тоже свистит-заливается.

В-пятых, идем мы и смотрим – стоит поперек нашего пути осел. Обрадовались мы и решили на осле ехать. Первым попробовал длинный человек. Перекинул он ногу через осла, а осел ему ниже колена приходится. Только хотел длинный человек на осла сесть, а осел взял да и пошел, и длинный человек со всего размаху на землю сел. Попробовали мы маленького человека на осла посадить. Но только осел несколько шагов сделал – маленький человек не удержался и свалился на землю. Потом встал и говорит:

– Пусть длинный человек меня опять на плече понесет, а ты с Петькой на осле поезжай.

Сели мы, как маленький человек сказал, и поехали. И всем хорошо. И все мы песни на-свистываем.

В-шестых, приехали мы к большому озеру. Глядим, у берега лодка стоит.

– Что ж, поедем на лодке? – говорит Петька. Я с Петькой хорошо в лодке уселся, а вот длинного человека с трудом усадили. Согнулся он весь, сжался, коленки к самому подбородку поднял.

Маленький человек где-то под скамейкой сел, а вот ослу места-то и не осталось. Если бы еще длинного человека в лодку не сажать, тогда можно было бы и осла посадить. А вдвоем не помещаются.

– Вот что, – говорит маленький человек, – ты, длинный, вброд иди, а мы осла в лодку посадим и поедем.

Посадили мы осла в лодку, а длинный человек вброд пошел, да еще нашу лодку на веревочке потащил. Осел сидит, пошевеливнуться боится – верно, первый раз в лодку попал. А остальным хорошо. Едем мы по озеру, песни свистим. Длинный человек тащит нашу лодку и тоже песни поет.

В-седьмых, вышли мы на другой берег, смотрим – стоит автомобиль.

– Что ж это такое может быть? – говорит длинный человек.

– Что это? – говорит маленький человек.

– Это, – говорю я, – автомобиль.

– Это машина, на которой мы сейчас и поедем, – говорит Петька.

Стали мы в автомобиле рассаживаться. Я и Петька у руля сели, маленького человека

спереди на фонарь посадили, а вот длинного человека, осла и лодку никак в автомобиле не разместить. Положили мы лодку в автомобиль, в лодку осла поставили – и все бы хорошо, да длинному человеку места нет. Посадили мы в автомобиль осла и длинного человека – лодку некуда поставить.

Мы совсем растерялись, не знали, что и делать, да маленький человек совет подал:

– Пусть, – говорит, – длинный человек в автомобиль сядет, а осла к себе на колени положит, а лодку руками над головой поднимет.

Посадили мы длинного человека в автомобиль, на колени к нему осла положили, а в руки дали лодку держать.

– Не тяжело? – спросил его маленький человек.

– Нет, ничего, – говорит длинный.

Я пустил мотор в ход, и мы поехали. Всем хорошо, только маленькому человеку впереди на фонаре сидеть неудобно, кувyrкает его от тряски, как ваньку-встаньку. А остальным ничего. Едем мы и песни насвистываем.

В-восьмых, приехали мы в какой-то город. Поехали по улицам. На нас народ смотрит, пальцами показывает:

– Это что, – говорит, – в автомобиле дубина какая сидит, себе на колени осла посадил и лодку руками над головой держит. Ха! ха! ха! А впереди-то какой на фонаре сидит. Ростом с ведерко! Вон его как от тряски-то кувyrкает! Ха! ха! ха!

А мы подъехали прямо к гостинице, лодку на землю положили, автомобиль поставили

под навес, осла к дереву привязали и зовем хозяина. Вышел к нам хозяин и говорит:

– Что вам угодно?

– Да вот, – говорим мы ему, – переночевать нельзя ли у вас?

– Можно, – говорит хозяин и повел нас в комнату с четырьмя кроватями.

Я и Петька легли, а вот длинному человеку и маленькому никак не лечь. Длинному все кровати коротки, а маленькому не на что голову положить. Подушка выше его самого, и он мог только стоя к подушке прислониться. Но так как мы все очень устали, то легли кое-как и заснули. Длинный человек просто на полу лег, а маленький на подушку весь залез, да так и заснул.

В-девярых, проснулись мы утром и решили дальше путь продолжать. Тут вдруг маленький человек и говорит:

– Знаете что? Довольно нам с этой лодкой и автомобилем таскаться. Пойдемте лучше пешком.

– Пешком я не пойду, – сказал длинный человек, – пешком скоро устанешь.

– Это ты-то, такая детина, устанешь? – засмеялся маленький человек.

– Конечно, устану, – сказал длинный, – вот бы мне какую-нибудь лошадь по себе найти.

– Какая же тебе лошадь годится? – вмешался Петька. – Тебе не лошадь, а слона нужно.

– Ну, здесь-то слона не достанешь, – сказал я, – здесь не Африка.

Только это я сказал, вдруг слышим на улице лай, шум и крики. Посмотрели в окно, глядим – ведут по улице слона, а за ним народ

валит. У самых слоновьих ног бежит маленькая собачонка и лает во всю мочь, а слон идет спокойно, ни на кого внимания не обращает.

– Вот,– говорит маленький человек длинному,– вот тебе и слон как раз. Садись и поезжай.

– А ты на собачку садись. Как раз по твоему росту,– сказал длинный человек.

– Верно, – говорю я, – длинный на слоне поедет, маленький на собачке, а я с Петькой на осле.

И побежали мы на улицу.

В-десятых, выбежали мы на улицу. Я с Петькой на осла сел, маленький человек у ворот остался, а длинный за слоном побежал. Добежал он до слона, вскочил на него и к нам повернул. А собачка от слона не отстает, лает и тоже к нам бежит. Только до ворот добежала, тут маленький человек наловчился и прыгнул на собаку. Так мы все и поехали. Впереди длинный человек на слоне, за ним я с Петькой на осле, а сзади маленький человек на собачке. И всем нам хорошо, и все мы песенки насвистываем.

Выехали мы из города и поехали, а куда приехали и что с нами там приключилось, об этом мы вам в следующий раз расскажем.

1928

ОЗОРНАЯ ПРОБКА

В 124-м детском доме, ровно в 8 ч. вечера, зазвонил колокол.

Ужинать! Ужинать! Ужинать! Ужинать!

Девчонки и мальчишки бежали вниз по лестнице в столовую. С криком и топотом,

и хохотом каждый занимал свое место. Сегодня на кухне дежурят Арбузов и Рубакин, а также учитель Павел Карлович, или Палкарлыч. Когда все расселись, Палкарлыч сказал:

– Сегодня на ужин вам будет суп с клецками.

Арбузов и Рубакин внесли котел, поставили его на табурет и подняли крышку. Палкарлыч подошел к котлу и начал выкрикивать имена.

– Иван Мухин! Нина Веревкина! Федул Карапузов!

Выкликаемые подходили. Арбузов наливал им в тарелку суп, а Рубакин давал булку. Получивший то и другое шел на свое место.

– Кузьма Паровозов! – кричал Палкарлыч. – Михаил Топунов! Зинаида Гребешкова! Громкоговоритель!

Громкоговорителем звали Сережку Чикина за то, что он всегда говорил во весь дух, а тихо разговаривать не мог. Когда Сережка-Громкоговоритель подошел к котлу, вдруг стало темно.

– Электричество потухло! – закричали на разные голоса.

– Ай, ай, ай, ты смотри, что ты делаешь! – громче всех кричал Громкоговоритель.

– Громкоговоритель в супе купается! – кричал Кузьма Паровозов.

– Смотри не подавись клецками! – кричал Петр Сапогов.

– Тише, сидите на местах! – кричал Палкарлыч.

– Отдай мне мою булку! – кричала Зинаида Гребешкова.

Но тут стало опять светло.

– Электричество загорелось! – закричал Кузьма Паровозов.

– И без тебя вижу, – отвечала ему Зинаида Гребешкова.

– А я весь в супе! – кричал Громкоговоритель.

Когда немного поуспокоились, Палкарлыч опять начал выкрикивать:

– Петр Сапогов! Мария Гусева! Николай Пнев!

На другой день, вечером, когда Палкарлыч показывал детям новое гимнастическое упражнение, вдруг стало опять темно. Федул Карапузов, Нина Веревкина и Николай Пнев, повторяя движения Палкарлыча, поскользнулись в темноте и упали на пол. Петр Сапогов, воспользовавшись темнотой, ударил Громкоговорителя кулаком в спину. Кругом кричали:

– Опять потухло! Опять потухло! Принесите лампу! Сейчас загорится!

И действительно, электричество опять загорелось.

– Это ты меня ударил? – спросил Громкоговоритель.

– И не думал, – отвечал Сапогов.

– Тут что-то неладно, – сказал Палкарлыч. – Ты, Мухин, и ты, Громкоговоритель, сбегайте в соседний дом и узнайте: если там электричество не тухло, как у нас, то надо будет позвать монтера.

Мухин и Громкоговоритель убежали и, скоро вернувшись, сказали, что, кроме как в детском доме, электричество не тухло. На третий

день, с самого утра, по всему детскому дому ходил монтер с длинной двойной лестницей-стремянкой. Он в каждой комнате ставил стремянку, влезал на нее, шарил рукой по потолку, по стенам; зажигал и тушил разные лампочки, потом зачем-то бежал в прихожую, где над вешалкой висел счетчик и мраморная дощечка с пробками. Следом за монтером ходили несколько мальчишек и с любопытством смотрели, что он делает. Наконец монтер, собираясь уходить, сказал, что пробки были не в порядке, и от легкой встряски электричество могло тухнуть. Но теперь все хорошо, и по пробкам можно бить хоть топором.

– Прямо так и бить? – спросил Петр Сапогов.

– Нет, это я пошутил, – сказал монтер, – но во всяком случае теперь электричество не погаснет.

Монтер ушел. Петр Сапогов постоял на месте, потом пошел в прихожую и долго глядел на счетчик и пробки.

– Что ты тут делаешь? – спросил его Громкоговоритель.

– А тебе какое дело, – сказал Петька Сапогов и пошел на кухню.

Пробило 2 часа, потом 3, потом 4, потом 5, потом 6, потом 7, потом 8.

– Ну, – говорил Палкарлыч, – сегодня мы не будем сидеть в темноте. У нас были пробки не в порядке.

– А что такое пробки? – спросила Мария Гусева.

– Пробки, это их так называют за их форму. Они...

Но тут электричество погасло, и стало темно.

– Потухло! – кричал Кузьма Паровозов.

– Погасло! – кричала Нина Веревкина.

– Сейчас загорится! – кричал Громкоговоритель, отыскивая впотьмах Петьку Сапогова, чтобы, как бы невзначай, дать ему подзатыльник. Но Петька не находился. Минуты через полторы электричество опять загорелось. Громкоговоритель посмотрел кругом. Петьки нет как нет.

– Завтра позовем другого монтера, – говорил Палкарлыч. Этот ничего не понимает.

«Куда бы мог пропасть Петька? – думал Громкоговоритель. – На кухне он, кажись, сегодня не дежурит. Ну, ладно, мы с ним еще посражаемся».

На четвертый день позвали другого монтера. Новый монтер осмотрел провода, пробки и счетчик, слазил на чердак и сказал, что теперь-то уж все в исправности. Вечером, около 8 часов, электричество потухло опять. На пятый день электричество потухло, когда все сидели в клубе и рисовали стенгазету. Зинаида Гребешкова рассыпала коробочку с кнопками. Михаил Топунов кинулся помогать ей собирать кнопки, но тут-то электричество и погасло, и Михаил Топунов с разбега налетел на столик с моделью деревенской избы-читальни. Изба-читальня упала и разбилась. Принесли свечу, чтобы посмотреть, что произошло, но электричество загорелось. На шестой день в стенгазете 124-го детского дома появилась картинка: на ней были нарисованы человечки, стоящие с растопыренными

руками, и падающий столик с маленьким до-миком. Под картинкой была подпись:

Электричество потухло –
Раз, два, три, четыре, пять.
Только свечку принесли –
Загорелось опять.

Но, несмотря на это, вечером электричество все-таки потухло. На седьмой день в 124-й детский дом приезжали какие-то люди. Палкарлыч водил их по дому и рассказывал о капризном электричестве. Приезжие люди записали что-то в записные книжки и уехали. Вечером электричество потухло. Ну что тут поделаешь! На восьмой день, вечером, Сергей Чикин, по прозвищу Громкоговоритель, нес линейки и бумагу в рисовальную комнату, которая помещалась внизу около прихожей. Вдруг Громкоговоритель остановился. В прихожей, через раскрытую дверь, он увидел Петра Сапогова. Петр Сапогов, на цыпочках и то и дело оглядываясь по сторонам, крался к вешалке, над которой висел счетчик и мраморная дощечка с пробками. Дойдя до вешалки, он еще раз оглянулся и, схватившись руками за вешалочные крючки, а ногами упираясь о стойку, быстро влез наверх и повернул одну пробку. Все потухло. Во втором этаже послышался визг и крик. Минуту спустя электричество опять зажглось, и Петр Сапогов спрыгнул с вешалки.

– Стой! – крикнул Громкоговоритель, бросая линейки и хватая за плечо Петьку Сапогова.

– Пусти, – сказал Петька Сапогов.

– Нет, не пущу. Это ты зачем тушишь электричество?

– Не знаю, – захныкал Петька Сапогов.

– Нет, врешь! Знаешь! – кричал Громкоговоритель. – Из-за тебя меня супом облили. Шпана ты этакая.

– Честное слово, тогда не я тушил электричество, – завертелся Петька Сапогов. – Тогда оно само тухло. А вот когда монтер сказал, что по пробкам хоть топором бей – ничего, я вечером и попробовал одну пробку ударить. Рукой, слегка. А потом взял ее да повернул. Электричество и погасло. С тех пор я каждый день тушу. Интересно. Никто починить не может.

– Ну и дурак! – сказал Громкоговоритель. – Смотри у меня: если еще раз потушишь электричество, я всем расскажу. Мы устроим товарищеский суд, и тебе не поздоровится. А пока, чтоб ты помнил, получай!

И он ударил Петьку Сапогова в правую лопатку. Петька Сапогов пробежал два шага и шлепнулся, а Громкоговоритель поднял бумагу и линейки, отнес их в рисовальную комнату и как ни в чем не бывало пошел наверх. На следующий, девятый, день Громкоговоритель подошел к Палкарлычу.

– Товарищ учитель, – сказал он, – разреши мне починить электричество.

– А ты разве умеешь? – спросил Палкарлыч.

– Умею.

– Ну, валяй, попробуй, авось никому не удавалось, а тебе удастся.

Громкоговоритель побежал в прихожую, влез на вешалку, поковырял для вида около счетчика, постукал мраморную дощечку и слез обратно. И что за чудо? С того дня в 124-м детском доме электричество горит себе и не тухнет.

О ТОМ, КАК КОЛЬКА ПАНКИН ЛЕТАЛ В БРАЗИЛИЮ, А ПЕТЬКА ЕРШОВ НИЧЕМУ НЕ ВЕРИЛ

I

Колька Панкин решил прокатиться куда-нибудь подальше.

– Я поеду в Бразилию, – сказал он Петьке Ершову.

– А где эта Бразилия находится? – спросил Петька.

– Бразилия находится в Южной Америке, – сказал Колька, – там очень жарко, там водятся обезьяны и попугаи, растут пальмы, летают колибри, ходят хищные звери и живут дикие племена.

– Индейцы? – спросил Петька.

– Вроде индейцев, – сказал Колька.

– А как туда попасть? – спросил Петька.

– На аэроплане или на пароходе, – сказал Колька.

– А ты на чём поедешь? – спросил Петька.

– Я полечу на аэроплане, – сказал Колька.

– А где ты его возьмёшь? – спросил Петька.

– Пойду на аэродром, попрошу, мне и дадут, – сказал Колька.

– А кто же это тебе даст? – спросил Петька.

– А у меня там все знакомые, – сказал Колька.

– Какие же это у тебя там знакомые? – спросил Петька.

– Разные, – сказал Колька.

– Нет у тебя там никаких знакомых, – сказал Петька.

– Нет, есть! – сказал Колька.

– Нет, нет! – сказал Петька.

– Нет, есть!

– Нет, нет!

– Нет, есть!

– Нет! Нет!

Колька Панкин и Петька Ершов решили пойти на следующее утро на аэродром.

II

Колька Панкин и Петька Ершов на следующий день рано утром вышли из дому. Идти на аэродром было далеко, но так как погода была хорошая и денег на трамвай не было, то Колька и Петька пошли пешком.

– Обязательно поеду в Бразилию, – сказал Колька.

– А письма писать мне будешь? – спросил Петька.

– Буду, – сказал Колька, – а как обратно приеду, привезу тебе обезьяну.

– А птицу привезёшь? – спросил Петька.

– И птицу привезу, – сказал Колька. – Какую хочешь: колибри или попугая.

– А какая лучше? – спросил Петька.

– Попугай лучше, он может разговаривать, – сказал Колька.

– А петь может? – спросил Петька.

– И петь может, – сказал Колька.

– По нотам? – спросил Петька.

– По нотам не может. А вот ты что-нибудь споёшь, а попугай повторит, – сказал Колька.

– А ты обязательно привезёшь мне попугая? – спросил Петька.

– Обязательно, – сказал Колька. – А ну, как нет? – сказал Петька.

– Сказал, что привезу, значит привезу, – сказал Колька.

– А не привезёшь! – сказал Петька.

– А привезу! – сказал Колька.

– А нет! – сказал Петька.

– А да! – сказал Колька.

– А нет!

– А да!

– А нет!

– А да!

– А нет!

Но тут Колька Панкин и Петька Ершов пришли на аэродром.

III

На аэродроме было очень интересно. Аэропланы друг за другом бежали по земле, а потом – раз, два, три – оказывались уже в воздухе – сначала низко, а потом выше, а потом ещё выше, а потом, покругившись на одном месте, улетали и совсем. На земле стояло ещё штук восемь аэропланов, готовых тоже разбежаться и улететь. Колька Панкин выбрал один из них и, указывая Петьке Ершову, сказал:

– В Бразилию я полечу на этом вот аэроплане.

Петька снял кепку и почесал голову. Надел кепку опять и спросил:

Проза

– А аэроплан этот тебе дадут?

– Дадут, – сказал Колька, – у меня там знакомый авиатор.

– Знакомый? А как его зовут? – спросил Петька.

– Очень просто – Павел Иванович, – сказал Колька.

– Павел Иванович? – переспросил Петька.

– Ну да, – сказал Колька.

– И ты его попросишь? – спросил Петька.

– Конечно. Вот пойдём вместе, ты услышишь, – сказал Колька.

– А если он тебе не даст аэроплана? – спросил Петька.

– Ну как не даст. Попрошу, так даст, – сказал Колька.

– А если ты не попросишь? – спросил Петька.

– Попрошу, – сказал Колька.

– А испугаешься! – сказал Петька.

– Нет, не испугаюсь! – сказал Колька.

– Слабо! – сказал Петька.

– Нет, не слабо! – сказал Колька.

– Слабо! – сказал Петька.

– Нет, не слабо! – сказал Колька.

– Слабо!

– Нет, не слабо!

– Слабо!

– Нет, не слабо!

Колька Панкин и Петька Ершов побежали к авиатору.

IV

Авиатор стоял около аэроплана и промывал в бензине, налитом в маленькое корытце, какие-то винтики. Сам он был одет во всё

кожаное, а рядом на земле лежали кожаные перчатки и кожаный шлем. Колька Панкин и Петька Ершов подошли. Авиатор достал из бензина винтики, положил их на краешек аэроплана, а в бензин положил новые винтики и стал их мыть. Колька посмотрел-посмотрел и сказал:

– Здравствуйте, Павел Иванович!

Авиатор посмотрел сначала на Кольку, потом на Петьку, а потом опять отвернулся.

Колька же постоял-постоял и снова сказал:

– Здравствуйте, Павел Иванович!

Авиатор посмотрел тогда сначала на Петьку, потом на Кольку, а потом сказал, почёсывая одной ногой другую ногу:

– Меня зовут не Павел Иванович, а Константин Константинович, и никакого Павла Ивановича я не знаю. Петька прыснул в кулак, Колька ударил Петьку, Петька сделал серьёзное лицо, а Колька сказал авиатору:

– Константин Константинович, мы с Петькой Ершовым решили лететь в Бразилию, не одолжите ли вы нам ваш аэроплан? Авиатор начал хохотать:

– Ха-ха-ха ха-ха-ха! Это вы что же – серьёзно решили лететь в Бразилию?

– Да, – сказал Колька.

– А вы полетите с нами? – спросил Петька.

– А вы что же думали, – закричал авиатор, – что я вам так машину дам? Нет, шалишь. Вот если вы мне заплатите, то в Бразилию свезти я вас могу. Что вы мне за это дадите?

Колька пошарил в карманах, но ничего не нашёл.

– Денег у нас нет, – сказал он авиатору, – может быть, вы нас так свезёте?

– Нет, так не повезу, – сказал авиатор и отвернулся что-то чинить в аэроплане.

Вдруг Колька взмахнул руками и закричал:

– Константин Константинович! Хотите перочинный ножик? Очень хороший, в нём три ножа. Два, правда, сломанные, но один зато целый и очень острый. Я раз как-то ударил им в дверь и прямо насквозь прошиб.

– Когда же это было? – спросил Петька.

– А тебе что за дело? Зимой было! – рассердился Колька.

– А какую же это дверь ты прошиб насквозь? – спросил Петька.

– Ту, которая от чулана, – сказал Колька.

– А она вся целая, – сказал Петька.

– Значит, поставили новую, – сказал Колька.

– Нет, не ставили, дверь старая, – сказал Петька.

– Нет, новая, – сказал Колька.

– А ты мне ножик отдай, – сказал Петька, – это мой ножик, я тебе дал его только верёвку с бельём перерезать, а ты и совсем взял.

– Как же это так – твой ножик? Мой ножик, – сказал Колька.

– Нет, мой ножик! – сказал Петька.

– Нет, мой! – сказал Колька.

– Нет, мой! – сказал Петька.

– Нет, мой!

– Нет, мой! – Ну, ладно, шут с вами, – сказал авиатор, – садитесь, ребята, в аэроплан, полетим в Бразилию.

V

Колька Панкин и Петька Ершов летели на аэроплане в Бразилию. Это было здорово интересно. Авиатор сидел на переднем сиденье, был виден только его шлем. Всё было очень хорошо, да мотор шумел очень уж, и говорить трудно было. А если выглянуть из аэроплана на землю, то, ух, как просторно – дух захватывает! А на земле всё маленькое-маленькое и не тем боком друг к другу повернуто.

– Петь-ка! – кричит Колька. – Смотри, какой город ко-ря-вень-кий!

– Что-о-о? – кричит Петька.

– Го-род! – кричит Колька.

– Не слы-шу! – кричит Петька.

– Что-о-о? – кричит Колька.

– Скоро ли Брази-лия? – кричит Петька.

– У какого Васи-ли-я? – кричит Колька.

– Шапка улете-ла-а! – кричит Петька.

– Сколько! – кричит Колька.

– Вчера-а! – кричит Петька.

– Северная Америка! – кричит Колька.

– На-ви-да-ри-ди-и-и! – кричит Петька.

– Что-о? – кричит Колька.

Вдруг в ушах стало пусто и аэроплан начал опускаться.

VI

Аэроплан попрыгал по кочкам и остановился.

– Приехали, – сказал авиатор.

Колька Панкин и Петька Ершов огляделись.

– Петька, – сказал Колька, – гляди, Бразилия-то какая!

– А это Бразилия? – спросил Петька.

– Сам-то, дурак, разве не видишь? – сказал Колька.

– А что это там за люди бегут? – спросил Петька.

– Где? А, вижу, – сказал Колька. – Это туземцы, дикари. Видишь, у них белые головы. Это они сделали себе причёски из трав и соломы.

– Зачем? – спросил Петька.

– Так уж, – сказал Колька.

– А смотри, по-моему, это у них такие волосы, – сказал Петька.

– А я тебе говорю, что это перья, – сказал Колька.

– Нет, волосы! – сказал Петька.

– Нет, перья! – сказал Колька.

– Нет, волосы!

– Нет, перья!

– Нет, волосы!

– Ну, вылезайте из самолета, – сказал им авиатор, – мне лететь нужно.

VII

Колька Панкин и Петька Ершов вылезли из самолета и пошли навстречу туземцам.

Туземцы оказались небольшого роста, грязные и белобрысы. Увидя Кольку и Петьку, туземцы остановились. Колька шагнул вперед, поднял правую руку и сказал:

– Оах! – сказал он им по-индейски.

Туземцы открыли рты и стояли молча.

– Гапакук! – сказал им Колька по-индейски.

– Что это ты говоришь? – спросил Петька.

– Это я говорю с ними по-индейски, – сказал Колька.

– А откуда ты знаешь индейский язык? – спросил Петька.

– А у меня была такая книжка, по ней я и выучился, – сказал Колька.

– Ну ты, ври больше! – сказал Петька.

– Отстань! – сказал Колька. – Инам кос! – сказал он туземцам по-индейски. Вдруг туземцы засмеялись.

– Кэрэк эри ялэ, – сказали туземцы.

– Ара токи, – сказал Колька.

– Мита? – спросили туземцы.

– Брось, пойдём дальше, – сказал Петька.

– Пильгедрау! – крикнул Колька.

– Пэркиля! – закричали туземцы.

– Кульмэгуинки! – крикнул Колька.

– Пэркиля, пэркиля! – кричали туземцы.

– Бежим! – крикнул Петька. – Они драться хотят.

Но было уже поздно. Туземцы кинулись на Кольку и стали его бить.

– Караул! – кричал Колька.

– Пэркиля! – кричали туземцы.

– «Мм-ууу», – мычала корова.

VIII

Избив как следует Кольку, туземцы, хватая и бросая в воздух пыль, убежали. Колька стоял встрепанный и сильно измятый.

– Пе-пе-пе-пе-петька, – сказал он дрожащим голосом. – Здорово я тузе-зе-зе-земцев разбил. Одного сю-сю-сю-сюда, а другого ту-ту-ту-туда.

– А не они тебя побили? – спросил Петька.

– Что ты! – сказал Колька. – Я как пошёл

их хватать: раз-два, раз-два, раз-два!

– Мм-ууу! – раздалось у самого Колькиного уха.

– Ай! – вскрикнул Колька и побежал.

– Колька! Ко-олька-а-а! – кричал Петька.

Но Колька бежал без оглядки.

Бежали-бежали, бежали-бежали, бежали-бежали, и, только добежав до леса, Колька остановился.

– Уф! – сказал он переводя дух. Петька так запыхался от бега, что ничего не мог сказать.

– Ну, и бизон! – сказал Колька, отдышавшись.

– А? – спросил Петька.

– Ты видел бизона? – спросил Колька.

– Где? – спросил Петька.

– Да ну, там. Он кинулся на нас, – сказал Колька.

– А это не корова была? – спросил Петька.

– Что ты, какая же это корова. В Бразилии нет коров, – сказал Колька.

– А разве бизоны ходят с колокольчиками на шее? – спросил Петька.

– Ходят, – сказал Колька.

– Откуда же это у них колокольчики? – спросил Петька.

– От индейцев. Индейцы всегда поймают бизона, привяжут к нему колокольчик и выпустят.

– Зачем? – спросил Петька.

– Так уж, – сказал Колька.

– Неправда, бизоны не ходят с колокольчиками, а это была корова, – сказал Петька.

– Нет, бизон! – сказал Колька.

– Нет, корова! – сказал Петька.

- Нет, бизон!
- Нет, корова!
- Нет, бизон!
- А где же попугаи? – спросил Петька.

IX

Колька Панкин сразу даже растерялся:

– Какие попугаи? – спросил он Петьку Ершова.

– Да ты же обещал поймать мне попугаев, как приедем в Бразилию. Если это Бразилия, то должны быть и попугаи, – сказал Петька.

– Попугаев не видать, зато вон сидят колибри, – сказал Колька.

– Это вон там на сосне? – спросил Петька.

– Это не сосна, а пальма, – обиделся Колька.

– А на картинках пальмы другие, – сказал Петька.

– На картинках другие, а в Бразилии такие, – рассердился Колька. – Ты смотри лучше, колибри какие.

– Похожи на наших воробьёв, – сказал Петька.

– Похожи, – согласился Колька, – но меньше ростом.

– Нет, больше! – сказал Петька.

– Нет, меньше! – сказал Колька.

– Нет, больше! – сказал Петька.

– Нет, меньше! – сказал Колька.

– Нет, больше!

– Нет, меньше!

– Нет, больше!

– Нет, меньше! Вдруг за спинами Кольки и Петьки послышался шум.

Х

Колька Панкин и Петька Ершов обернулись. Прямо на них летело какое-то чудовище.

– Что это? – испугался Колька.

– Это автомобиль, – сказал Петька.

– Не может быть! – сказал Колька. – Откуда же в Бразилии автомобиль.

– Не знаю, – сказал Петька, – но только это автомобиль.

– Не может быть! – сказал Колька.

– А я тебе говорю, что автомобиль! – сказал Петька.

– Нет, не может быть, – сказал Колька.

– Нет может!

– Нет, не может!

– Ну, теперь видишь, что это автомобиль? – спросил Петька.

– Вижу, но очень странно, – сказал Колька.

Тем временем автомобиль подъехал ближе.

– Эй вы, ребята! – крикнул человек из автомобиля. – Дорога в Ленинград направо или налево?

– В какой Ленинград? – спросил Колька.

– Как в какой! Ну, в город как проехать? – спросил шофёр.

– Мы не знаем, – сказал Петька, а потом вдруг заревел. – Дяденька, – заревел он, – свези нас в город.

– Да вы сами-то что, из города? – спросил шофёр.

– Ну да, – ревел Петька, – с Моховой улицы.

– А как же вы сюда попали? – удивился шофёр.

– Да вот Колька, – ревел Петька, – обещал в Бразилию свезти, а сам сюда привёз.

– В Брусилово... Брусилово... Пойдите, Брусилово это дальше, это где-то в Черниговской области, – сказал шофёр.

– Чилиговская область... Чилийская республика... Чили... Это южнее, это там, где и Аргентина. Чили находится на берегу Тихого океана, – сказал Колька.

– Дяденька, – захныкал опять Петька, – свези нас домой.

– Ладно, ладно, – сказал шофёр. – Садитесь, всё равно машина пустая. Только Брусилово не тут, Брусилово – это в Черниговской области.

И вот Колька Панкин и Петька Ершов поехали домой на автомобиле.

XI

Колька Панкин и Петька Ершов ехали сначала молча. Потом Колька посмотрел на Петьку и сказал:

– Петька, – сказал Колька, – ты видел кондора?

– Нет, – сказал Петька. – А что это такое?

– Это птица, – сказал Колька.

– Большая? – спросил Петька.

– Очень большая, – сказал Колька.

– Больше вороны? – спросил Петька.

– Что ты! Это самая большая птица, – сказал Колька.

– А я её не видал, – сказал Петька.

– А я видел. Она на пальме сидела, – сказал Колька.

– На какой пальме? – спросил Петька.

– На той, на которой и колибри сидела, – сказал Колька.

– Это была не пальма, а сосна, – сказал Петька.

– Нет, пальма! – сказал Колька.

– Нет, сосна! – сказал Петька. – Пальмы растут только в Бразилии, а тут не растут.

– Мы и были в Бразилии, – сказал Колька.

– Нет, не были! – сказал Петька.

– Нет, были! – сказал Колька.

– Не-бы-ли! – закричал Петька.

– Были, были, были, бы-ли-и-и! – кричал Колька.

– А вон и Ленинград виднеется, – сказал шофёр, указывая рукой на торчащие в небо трубы и крыши.

всё

1928

О ТОМ, КАК СТАРУШКА ЧЕРНИЛА ПОКУПАЛА

На Кособокой улице, в доме N 17, жила одна старушка. Когда-то жила она вместе со своим мужем, и был у нее сын. Но сын вырос большой и уехал, а муж умер, и старушка осталась одна.

Жила она тихо и мирно, чаек попивала, сыну письма посылала, а больше ничего не делала.

Люди же говорили про старушку, что она с луны свалилась.

Выйдет старушка другой раз летом на двор, посмотрит вокруг и скажет:

– Ах ты, батюшки, куда же это снег делся?

А соседи засмеются и кричат ей:

– Ну, виданное ли дело, чтобы снег летом на земле лежал? Ты что, бабка, с луны свалилась, что ли?

Или пойдет старушка в керосиновую лавку и спросит:

– Почему у вас французские булки?

Приказчики смеются:

– Да что вы, гражданка, откуда ж у нас французские булки? С луны вы, что ли, свалились?

Ведь вот какая была старушка!

Была раз погода хорошая, солнечная, на небе ни облачка. На Кособокой улице пыль поднялась. Вышли дворники улицу поливать из брезентовых кишок с медными наконечниками. Льют они воду прямо в пыль, сквозь, навывлет. Пыль с водой вместе на землю летит. Вот уже лошади по лужам бегут, и ветер без пыли летит пустой.

Из ворот 17-го дома вышла старушка. В руках у нее зонтик с большой блестящей ручкой, а на голове шляпка с черными блестками.

– Скажите, – кричит она дворнику, – где чернила продаются?

– Что? – кричит дворник.

Старушка ближе:

– Чернила! – кричит.

– Сторонись! – кричит дворник, пуская струю воды.

Старушка влево, и струя влево.

Старушка скорей вправо, и струя за ней.

– Ты что, – кричит дворник, – с луны свалилась, видишь, я улицу поливаю!

Старушка только зонтиком махнула и дальше пошла.

Пришла старушка на рынок, смотрит, стоит какой-то парень и продает судака большого и сочного, длиной с руку, толщиной с ногу. Подкинул он рыбу на руках, потом взял одной рукой за нос, покачал, покачал и выпустил, но упасть не дал, а ловко поймал другой рукой за хвост и поднес к старушке.

– Во, – говорит, – за рупь отдам.

– Нет, – говорит старушка, – мне чернила...

А парень ей и договорить не дал.

– Берите, – говорит, – недорого прошу.

– Нет, – говорит старушка, – мне чернила...

А тот опять:

– Берите, – говорит, – в рыбе пять с половиной фунтов весу, – и как бы от усталости взял рыбу в другую руку.

– Нет, – сказала старушка, – мне чернила нужны.

Наконец-то парень расслышал, что говорила ему старушка.

– Чернила? – переспросил он.

– Да, чернила.

– Чернила?

– Чернила.

– А рыбы не нужно?

– Нет.

– Значит, чернила?

– Да.

– Да вы что, с луны, что ли, свалились! – сказал парень.

– Значит, нет у вас чернил, – сказала старушка и дальше пошла.

– Мяса парного пожалуйста, – кричит старушке здоровенный мясник, а сам ножом печенки кромсает.

– Нет ли у вас чернил? – спросила старушка.

– Чернила? – заревел мясник, таща за ногу свиную тушу. Старушка скорей подальше от мясника, уж больно он толстый да свирепый, а ей уж торговка кричит:

– Сюда пожалуйста! Пожалуйста сюда!

Старушка подошла к ее ларьку и очки надела, думая сейчас чернила увидеть. А торговка улыбается и протягивает ей банку с черносливами.

– Пожалуйста, – говорит, – таких нигде не найдете.

Старушка взяла банку с ягодами, повертела ее в руках и обратно поставила.

– Мне чернила нужны, а не ягоды, – говорит она.

– Какие чернила – красные или черные? – спросила торговка.

– Черные, – говорит старушка.

– Черных нет, – говорит торговка.

– Ну тогда красные, – говорит старушка.

– И красных нет, – сказала торговка, сложив губы бантиком.

– Прощайте, – сказала старушка и пошла.

Вот уже и рынок кончается, а чернил нигде не видеть.

Вышла старушка из рынка и пошла по какой-то улице.

Вдруг смотрит – идут друг за дружкой, медленным шагом, пятнадцать ослов. На переднем осле сидит верхом человек и держит

в руках большущее знамя. На других ослах тоже люди сидят и тоже в руках вывески держат.

«Это что же такое? – думает старушка. – Должно быть, это теперь на ослах, как на трамваях, ездят».

– Эй! – крикнула она человеку, сидящему на переднем осле. – Обожди немного. Скажи, где чернила продаются?

А человек на осле не расслышал, видно, что старушка ему сказала, а поднял какую-то трубу, с одного конца узкую, а с другого – широкую, раструбом. Узкий конец приставил ко рту, да как закричит туда, прямо старушке в лицо, да так громко, что за семь верст услышать можно:

Спешите увидеть гастрولي Дурова!
В госцирке! В госцирке!
Морские львы – любимцы публики!
Последняя неделя!
Билеты при входе!

Старушка с испугу даже зонтик уронила. Подняла она зонтик, да от страха руки так дрожали, что зонтик опять упал.

Старушка зонтик подняла, покрепче его в руках зажала, да скорей, скорей по дороге, да по панели, повернула из одной улицы в другую и вышла на третью, широкую и очень шумную.

Кругом народ куда-то спешит, а на дороге автомобили катят и трамваи грохочут.

Только хотела старушка на другую сторону перейти, вдруг:

– Тарар-арарар-арар-rrrrr! – автомобиль орет.

Пропустила его старушка, только на дороге ступила, а ей:

– Эй, берегись! – извозчик кричит.

Пропустила его старушка и скорей на ту сторону побежала. До середины дороги добежала, а тут:

– Джен-джен! Динь-динь-динь! – трамвай несется.

Старушка было назад, а сзади:

– Пыр-пыр-пыр-пыр! – мотоциклет трещит.

Совсем перепугалась старушка, но хорошо, добрый человек нашелся, схватил он ее за руку и говорит:

– Вы что, – говорит, – будто с луны свалились! Вас же задавить могут.

И потащил старушку на другую сторону.

Отдышалась старушка и только хотела доброго человека о чернилах спросить, оглянулась, а его уж и след простыл.

Пошла старушка дальше, на зонтик опирается да по сторонам поглядывает, где бы про чернила узнать.

А ей навстречу идет старичок с палочкой. Сам старенький и седенький.

Подошла к нему старушка и говорит:

– Вы, видать, человек бывалый, не знаете ли, где чернила продаются?

Старичок остановился, поднял голову, подвигал своими морщинками и задумался. Постояв так немного, он полез в карман, достал кисетик, папиросную бумажку и мундштук. Потом, медленно свернув папиросу и вставив ее в мундштук, спрятал кисетик

и бумагу обратно и достал спички. Потом закурил папиросу и, спрятав спички, прошамкнул беззубым ртом:

– Шешиши пошаются в магашише.

Старушка ничего не поняла, а старичок пошел дальше.

Задумалась старушка.

Чего это никто про чернила толком сказать ничего не может.

Не слышали они о чернилах никогда, что ли?

И решила старушка в магазин зайти и чернила спросить. Там-то уж знают.

А тут рядом и магазин как раз. Окна большие, в целую стену. А в окнах все книги лежат.

«Вот, – думает старушка, – сюда и зайду. Тут уж наверно чернила есть, раз книги лежат. Ведь книги-то, чай, пишутся чернилами».

Подошла она к двери, двери стеклянные и странные какие-то.

Толкнула старушка дверь, а ее саму что-то сзади подтолкнуло. Оглянулась, смотрит, на нее другая стеклянная дверь едет. Старушка вперед, а дверь за ней. Все вокруг стеклянное и все кружится. Закружилась у старушки голова, идет она и сама не знает, куда идет.

А кругом все двери, двери, и все они кружатся и старушку вперед подталкивают. Топталась, топталась старушка вокруг чего-то, насилу высвободилась, хорошо еще, что жива осталась.

Смотрит старушка – прямо большие часы стоят и лестница вверх ведет. Около часов стоит человек. Подошла к нему старушка и говорит:

– Где бы мне про чернила узнать?

А тот к ней даже головы не повернул, показал только рукой на какую-то дверку, небольшую, решетчатую. Старушка приоткрыла дверку, вошла в нее, видит – комнатка, совсем крохотная, не больше шкафа. А в комнате стоит человек. Только хотела старушка про чернила его спросить...

Вдруг: «Дзинь! Дджжжииин!» – и начал пол вверх подниматься.

Старушка стоит, шевельнуться не смеет, а в груди у нее будто камень расти начал. Стоит она и дышать не может. Сквозь дверку чьи-то руки, ноги и головы мелькают, а вокруг гудит, как швейная машинка. Потом перестало гудеть и дышать легче стало. Кто-то дверку открыл и говорит:

– Пожалуйста, приехали, шестой этаж, выше некуда.

Старушка, совсем как во сне, шагнула куда-то выше, куда ей показали, а дверка за ней захлопнулась и комнатка-шкапик опять вниз поехала.

Стоит старушка, зонтик в руках держит, а сама отдышаться не может. Стоит она на лестнице, вокруг люди ходят, дверьми хлопают, а старушка стоит и зонтик держит.

Постояла старушка, посмотрела, что кругом делается, и пошла в какую-то дверь.

Попала старушка в большую, светлую комнату. Смотрит – стоят в комнате столики, а за столиками люди сидят. Одни, уткнув носы в бумагу, что-то пишут, а другие стучат на пишущих машинках. Шум стоит будто в кузнице, только в игрушечной.

Направо у стенки диван стоит, на диване сидит толстый человек и тонкий. Толстый что-то рассказывает тонкому и руки потирает, а тонкий согнулся весь, глядит на толстого сквозь очки в светлой оправе, а сам на сапогах шнурки завязывает.

– Да, – говорит толстый, – написал я рассказ о мальчике, который лягушку проглотил. Очень интересный рассказ.

– А я вот ничего выдумать не могу, о чем бы написать, – сказал тонкий, продевая шнурок через дырочку.

– А у меня рассказ очень интересный, – сказал толстый человек. – Пришел этот мальчик домой, отец его спрашивает, где он был, а лягушка из живота отвечает: ква-ква! Или в школе: учитель спрашивает мальчика, как по-немецки «с добрым утром», а лягушка отвечает: ква-ква! Учитель ругается, а лягушка: ква-ква-ква! Вот какой смешной рассказ, – сказал толстяк и потер свои руки.

– Вы тоже что-нибудь написали? – спросил он старушку.

– Нет, – сказала старушка, – у меня чернила все вышли. Была у меня баночка, от сына осталась, да вот теперь кончилась.

– А что, ваш сын тоже писатель? – спросил толстяк.

– Нет, – сказала старушка, – он лесничий. Да только он тут не живет. Раньше я у мужа чернила брала, а теперь муж умер, и я одна осталась. Нельзя ли мне у вас тут чернила купить? – вдруг сказала старушка.

Тонкий человек завязал свой сапог и посмотрел сквозь очки на старушку.

– Как чернила? – удивился он.

– Чернила, которыми пишут, – пояснила старушка.

– Да ведь тут чернил не продают, – сказал толстый человек и перестал потирать свои руки.

– Вы как сюда попали? – спросил тонкий, вставая с дивана.

– В шкафу приехала, – сказала старушка.

– В каком шкафу? – в один голос спросили толстый и тонкий.

– В том, который у вас на лестнице вверх и вниз катается, – сказала старушка.

– Ах, в лифте! – рассмеялся тонкий, снова садясь на диван, так как теперь у него развязался другой сапог.

– А сюда вы зачем пришли? – спросил старушку толстый человек.

– А я нигде чернил найти не могла, – сказала старушка, – всех спрашивала, никто не знал. А тут, смотрю, книги лежат, вот и зашла сюда. Книжки-то, чай, чернилами пишутся!

– Ха, ха, ха! – рассмеялся толстый человек. – Да вы прямо как с луны на землю свалились!

– Эй, слушайте! – вдруг вскочил с дивана тонкий человек. Сапогов так и не завязал, и шнурки болтались по полу.

– Слушайте, – сказал он толстому, – да ведь вот я и напишу про старушку, которая чернила покупала.

– Верно, – сказал толстый человек и потер свои руки.

Тонкий человек снял свои очки, подышал на них, вытер носовым платком, одел опять на нос и сказал старушке:

– Расскажите вы нам о том, как вы чернила покупали, а мы про вас книжку напишем и чернил дадим.

Старушка подумала и согласилась.

И вот тонкий человек написал книжку:

«О том, как старушка чернила покупала».

1928–1929